

УДК 82-94=111+929Кёртин+929Толстой

ДЖ. КЁРТИН О СВОЕЙ ВСТРЕЧЕ С Л. Н. ТОЛСТЫМ

Р. В. Гурский

Тверской государственный университет
научно-образовательный центр комплексного изучения проблем романтизма

В статье представлен перевод фрагмента из мемуаров американского этнографа, лингвиста и фольклориста Джереми Кёртина, посвященный его встрече с Л. Н. Толстым.

Ключевые слова: *Джереми Кёртин, Лев Толстой, мемуары, встреча*

Американский этнограф, фольклорист и переводчик Джереми Кёртин (Jeremiah Curtin; 1835–1906) – совершенно новая фигура для российского литературоведения. Однако в XIX столетии он был известен в обоих полушариях Земли. Восемь лет – с 1864 по 1872 г. – Кёртин служил в Санкт-Петербурге секретарём американского посольства и имел доступ в высшие круги светского общества столицы. Он объехал почти всю страну, собирал сибирские сказки, изучал славянские языки, обычаи и нравы, переводил на английский многих русских классиков, в том числе А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Н. В. Гоголя, Л. Н. и А. К. Толстых, Ф. М. Достоевского. В путешествиях и литературной работе Кёртину помогала жена, Альма Карделл-Кёртин, благодаря которой впоследствии и были напечатаны его мемуары [3].

Эта книга – своеобразный путевой дневник в пятидесяти четырёх главах, десять из которых прямо или косвенно посвящены России. История его публикации напоминает детектив – ещё одно, последнее приключение в богатой событиями жизни Кёртина. Спустя 32 года после его смерти рукопись мемуаров попала в Государственное историческое общество Висконсина через племянницу Кёртина, миссис Уолтер Сейферт, которая получила её, по видимому, от Альмы Карделл-Кёртин незадолго до её кончины.

Большая часть мемуаров была записана Альмой под диктовку мужа «не раньше 1904–05 года» [3, с. 2]. Книга, скорее всего, представляет собой неавторизованный текст, во всяком случае, установить идентичность рукописи весьма затруднительно. В её основу легли многочисленные дневниковые заметки супругов, письма, газетные публикации Кёртина, поэтому повествование местами фрагментарно и лишено логических связей. Для удобства восприятия переведённый отрывок мы разбили пробелами на смысловые блоки.

Не вошли в издание, как отмечает редактор Джозеф Шейферт, некоторые материалы о службе в посольстве и очерки о пребывании Кёртина в Бурятии на Байкале, опубликованные в 1909 г. в книге «Путешествие в южную Сибирь».

В мемуарах собраны этнографические сведения о европейцах, азиатах и коренных североамериканцах. Кёртин, известный своими лингвистическими способностями, «был путешественником, который отличался от туриста тем,

что сначала изучал язык аборигенов, а потом старался проникнуть в их культуру глубже, нежели это возможно без знания языка» [3, с. 4].

Особое внимание он уделял Российской Империи. В «русских» главах его воспоминаний описаны дипломатические приёмы и банкеты, национальные праздники; воссоздаётся облик старинных городов, таких как Москва, Нижний Новгород, Углич, Феодосия, Тифлис. Мы находим в книге множество исторических экскурсов и портретных зарисовок (Александр II, князь Александр Суворов, Фёдор Сологуб и др.).

К Кёртину в России относились тепло. Его называли Иеремией Давыдовичем. «Я давно хотел повидать вас, – говорил Кёртину костромской губернатор, генерал-лейтенант Рудзевич. – Любому из моих земляков было бы приятно с вами познакомиться, вы так хорошо понимаете русский язык и русских людей. Нам кажется, вы могли бы родиться одним из нас» [3, с. 120].

Отдельную главу Кёртин посвятил поездке в Ясную Поляну и знакомству с Л. Н. Толстым. В дневнике Льва Николаевича от 23 июня 1900 г. содержится упоминание об этой встрече: «Были за это время америк[анец] Курти...» [1, с. 27]. В примечаниях к дневнику добавлено: «...Куртин приехал в Россию, как сообщали газеты, специально для свидания с Толстым...» [1, с. 418].

Мы впервые предлагаем читателю познакомиться с переводом этого фрагмента из кёртиновских мемуаров, который, как представляется, будет иметь интерес и определённую ценность как для толстоведения, так и для понимания личности и творчества Джереми Кёртина.

Восхищаясь Толстым и вместе с тем не разделяя его воззрений, Кёртин стремился к предельной внимательности и объективности. Однако нельзя не заметить, что их беседа касалась вопросов, которые были близки именно Кёртину. Или, может быть, только их удержала его память:

«Глава 47. Встреча с Толстым

<...> Когда до Ясной Поляны оставалось не более полумили, мы свернули в поля и подъехали к дому, скрытому за деревьями, так что рассмотреть его можно было только вблизи. Это было длинное, невысокое белое строение. Входная дверь с маленьким крыльцом, ведущая в узкую прихожую, напоминала чёрный ход. С одной стороны здания тянулась широкая веранда с полотняными шторами.

Молодой человек, работавший поблизости, подошёл к экипажу, пригласил нас в дом и взял мою визитную карточку, чтобы передать Толстому. Это был Дитрих (вероятно, Дитерихс Иосиф Константинович (1868–1932), брат А. К. Чертковой. Окончил курсы восточных языков, служил на Кавказе, помогал духоборам. – Р. Г.), шурин графа Толстого-младшего. Нас провели в небольшую комнату, где напротив дивана стоял маленький круглый стол с чернильницей и бумагой для письма, покрытый ситцевой красной скатертью. Чернильные пятна виднелись на ткани, там и сям испещряли некрашенный голый пол. В комнате было несколько простых деревянных кресел и три узких книжных шкафа. В нише над диваном помещался бюст, изображавший брата Толстого. Над нишей висела фотография Диккенса и несколько семейных

снимков кабинетного формата; здесь были также портреты Толстого, Островского, Тургенева и других писателей – все они, кроме Толстого, к тому времени уже умерли.

Дитрих, занимавший нас до прихода графа, бывал на Кавказе и знал нескольких моих друзей, так что время прошло незаметно. Он говорил на персидском, турецком, владел арабским так же хорошо, как немецким и французским. Нам подали чай. Затем явился старик – человек среднего роста, с длинной белой бородой и усами. Его седые, со стальным отливом волосы заметно поредели на макушке; у него был открытый высокий лоб, серые глаза, тонкие черты лица и худая шея, большой, с плоскими крыльями, нос. Красные жилки покрывали его круглый кончик и пестрели на щеках; человек, незнакомый с привычками Толстого, мог бы принять его за пьяницу. Седые кустистые брови нависали над глазами, несколько длинных волосков опускались прямо на веки. Я нередко видел старых русских крестьян, которые казались такими же степенными и мудрыми – но сейчас передо мной был человек совершенно исключительного ума.

На Толстом была крестьянская рубашка, стянутая поясом, потёртые старые штаны и стоптанные туфли. Он носил круглую шляпу из светлого фетра.

Первым его вопросом было: “What language are we to use?” (“На каком языке мы будем говорить?”).

Я ответил: “На каком пожелаете”.

– Я неплохо говорю по-английски, – сказал Толстой, – и, конечно, по-французски, но, когда возможно, всегда предпочитаю родной язык.

Весь день Толстой говорил по-русски. Несколько раз он похвалил меня, отметив, что я говорю “без иностранного акцента”, так же свободно, как он сам. Граф был приятно удивлён встречей с иностранцем, который так правильно и легко изъясняется по-русски. Через некоторое время он предложил мне прогуляться в парке: “Я очень люблю беседовать на свежем воздухе”. Парк был большой, с величественными деревьями, многие из которых посадил прадед Толстого.

Мы обсуждали самые разные темы. Толстой – откровенный, легко увлекающийся собеседник. Он не любит Англию и говорит, что англичане стремятся навязать всем свою так называемую цивилизацию, которая, по сути, есть не что иное, как средневековое варварство. Сид (вероятно, Уильям Томас Сид (1849–1912), британский журналист, во время англо-бурской войны критиковавший Англию за насилие. – Р. Г.) признался в письме к Толстому, что был вынужден отказаться от антивоенной агитации. Граф считает англо-бурскую войну ужасным преступлением. Он полагал, что Америка могла бы заблаговременно предотвратить её, но теперь, когда война уже началась, остановить её много труднее и любое вмешательство может привести к международному конфликту.

Один из русских друзей Толстого, живущий в Англии, на днях писал ему, что англичане считают себя лучшей частью человеческого рода, а прочих жителей Британии, в том числе ирландцев и шотландцев, – второсортной. Остальные представители белой расы за пределами Англии – люди третьего сорта, сброд. Все другие расы, чёрная или жёлтая, вовсе не признаются за людей:

это вещи, орудия для получения прибыли, и ничего больше. Толстой считает, что Англия зашла в нравственный тупик.

О профессоре Харпере (речь идёт об Уильяме Рейни Харпере (1856–1906), ректоре Чикагского университета. – *Прим. изд.*), недавно посетившем его, он отозвался так: “Этот человек не может воспринять ни одной из высших жизненных идей. Единственный факт, доступный его пониманию, – что он служит в учреждении, располагающем миллионным капиталом, и получает десять тысяч долларов жалования”. Видимо, Харпер произвёл отталкивающее впечатление на Толстого, для которого идеи несравненно важнее денег.

Толстой глубоко интересуется Америкой. По его словам, выдающиеся американские писатели – Ченнинг, Теодор Паркер, Эмерсон, Гаррисон, Лоуэлл, Торо – оказали на него большее влияние, чем кто-либо другой. Он вспоминает их с почтением и любовью. Ченнинга, основателя унитаризма, Толстой назвал “человеком умным и благородным”. Но особое восхищение у него вызывает Торо. Об Уолденском озере Толстой говорил так, как любитель классической древности мог бы говорить о Хиссусе или Скамандре (Скамандр – в греческой мифологии бог одноименной реки около Трои, а также древнее обозначение холма, на котором стоял Илион. – **Р. Г.**). Когда я рассказал, что в бытность свою гарвардским студентом однажды провёл вакации в Конкорде, где близко общался с Торо и даже обедал у него дома с ним и его сестрой, Толстой ответил:

– Как бы я хотел увидеть этого человека и побеседовать с ним! Странно, что американцы не слишком высоко ценят Торо и других своих великих земляков – мыслителей предвоенного поколения. Вы преклоняетесь перед Шекспиром, Данте или Гёте, но ваши соотечественники были намного достойнее, чем любой из них, – правдивее и мудрее.

Между прочим, Толстого особенно занимал вопрос: был ли Брайан (вероятно, Уильям Дженнингс Брайан (1860–1925), американский политик-демократ. – **Р. Г.**) социалистом? Я сказал, что, насколько мне известно, Брайан старался по возможности облегчить положение трудящихся и одобрял всё, что есть разумного в социализме.

– Я не сторонник умеренного социализма, – возразил Толстой, – он делает рабство более сносным и тем способствует его сохранению.

– Значит, вам ближе взгляды радикальных социалистов? – спросил я.

– Да, – отвечал Толстой, – во всём, что они отрицают. А “разумный”, или практический социализм – это паллиатив, который помогает людям мириться с нынешним порядком вещей. Современное положение рабочих, народа, всего мира – не что иное, как рабство. Все практические меры направлены лишь к тому, чтобы труженики легче переносили свою зависимость. Я против этого.

Толстой бесконечно восхищается Генри Джорджем (политэконом, публицист и политик, автор брошюры “Наша земля и земельная политика” и книги “Прогресс и бедность”, которая сделала его знаменитым. Считая, что причина возрастающей бедности заключается в земельной ренте, предложил государству присвоить всю землю и ввести всеобщий налог, поглотивший бы ренту целиком. – **Р. Г.**).

– Его учение о земле абсолютно верно, – говорит он. – Меня удивляет, что оно почти не повлияло на общественную мысль и практическую деятельность американцев. Он был самым глубоким из ваших мыслителей, не считая тех философов довоенного периода, о которых я упоминал. Он самобытен, оригинален, и его идеи принесут свои плоды.

– Я, – продолжал Толстой, – обличаю перед миром всё *безумие и несправедливость* (в рукописи выделенные курсивом слова написаны по-русски) современного общественного устройства, но не предлагаю никаких готовых рецептов. Дайте людям осознать, в каком положении они находятся, и они сами найдут выход.

Толстой – враг патриотизма, национального чувства, “поскольку они враждебны общечеловеческой любви и свободе. Чехи (венгры) (имеются в виду, конечно, не венгры, а чехи-богемцы. – *Прим. изд.*) стремятся только усилить тиранию, противопоставляя свой собственный патриотизм немецкому”.

Его взгляды в точности совпадают со взглядами нигилистов, если не считать отказа от насилия. Противники Толстого могут, однако, утверждать, что его теория провоцирует насилие или, по крайней мере, способна привести к нему.

– Я считаю, что патриотизм, как он обычно понимается, – заметил Толстой, – главное препятствие на пути справедливости и прогресса. Самая суть патриотизма прекрасно выражена в популярном английском изречении: “Моя страна неправа, но это моя страна”.

Это вновь напомнило ему об англо-бурском конфликте. Чемберлена и Родса (Джозеф Чемберлен (1836–1914), министр по делам колоний, один из влиятельнейших политиков викторианской Англии, и Сесиль Джон Родс (1853–1902), алмазный монополист, крупнейший британский колониальный политик, создавший на территории нынешних Замбии и Зимбабве английское “государство в государстве” Родезию, – инициаторы англо-бурской войны. – **Р. Г.**) он считает опаснейшими людьми, преступниками.

– Они, – говорил Толстой, – навязали Англии участие в африканских делах, и теперь простой народ, который ничего не выигрывает от войны, а лишь несёт потери, тоже стал поддерживать несправедливость. Этим людей заботит не только военная победа Англии; они хотят ещё довести несправедливость до крайних пределов после того, как победа будет одержана.

Толстой говорил также о Горьком. По его словам, Горький – исключительный человек; выбившись из низов, он сумел войти в литературный мир и при этом сохранить независимость мышления, правдиво и драматично рассказать о собственном опыте, о жизни изгоев, нищих, воров и т. п. Ему грозила двойная опасность – восхищение, чуть ли не поклонение определённой категории читателей и суровые нападки критиков. В одном-двух рассказах он позволил себе такие мысли и высказывания, от которых лучше бы воздержаться. “Но это замечательный человек”.

Я заметил, что существует разница между моральным и физическим падением. К примеру, человек, упавший с большой высоты, тут же разобьётся насмерть у всех на глазах. Но моральное падение ведёт к тому, что мы теряем нравственное чувство, наша душа черствеет, и мы падаем снова и снова, опус-

каясь всё ниже. Тем не менее, некоторые люди способны, оступившись, подняться вновь и перемениться к лучшему. В этом смысле всю историю человеческого рода можно назвать “Падением и искуплением человека”.

Толстой отвечал, что не любит, даже ненавидит понятие “искупления” – плату, которой Бог вовсе не требует от нас. Тогда я привёл другой пример и сказал, что добро может противостоять злу в человеческой душе, излечить от него и исправить ошибки. Толстой одобрил это пояснение и сказал, что люди могли бы, прислушиваясь к собственной совести, обретать верную нравственную позицию – или восстанавливать её, когда она утрачена.

О книгах Сенкевича, не считая романа “Без догмата”, Толстой невысокого мнения. Если это искренняя оценка, значит, его отталкивают католические взгляды автора. К тому же Сенкевич далёк от социализма и нигилизма.

Я нахожу, что Толстой ограничен, пристрастен и нетерпим, как настоящий фанатик. Он говорит, что его цель – показать людям, насколько невыносимо и ложно их нынешнее положение; радикализм Толстого подтверждается и его враждебностью к умеренному или “разумному” социализму.

Мы продолжали гулять и беседовать, пока в два часа нас не позвали к обеду. Толстой спросил, по какой аллее я вернулся бы домой. Но оттуда, где мы находились, нельзя было увидеть особняк, и я выбрал неверную дорогу.

Обед подали на закрытую веранду. Нам прислуживали двое мужчин в обычной одежде. Графини не было дома, её место за столом занимала невестка (по-видимому, “Толстая Ольга Константиновна (урождённая Дитерихс, 1872–1951) – жена Андрея Л. Толстого, младшая сестра А. К. Чертковой» [2, с. 489]. – Р. Г.). Толстой – строгий вегетарианец, поэтому от некоторых блюд он отказался. Он сказал, что лишь недавно и только из-за своего преклонного возраста начал есть сливки и масло.

Русская церковь издала эдикт, который запрещает хоронить графа в овящённой земле по православному обряду. Он показал текст указа на русском, опубликованный в Англии, посмеялся над ним и добавил: “В конце концов, это неважно. Я ушёл из церкви двадцать пять лет назад”.

Его невестка спросила, к какой конфессии я принадлежу.

– Ни к какой, – ответил я.

– Что за свобода, и как удобна такая независимость! Ужасно принадлежать к какой-то определённой церкви, будь она православной, католической или протестантской. Мне не нравится большинство английских церквей.

Когда я заметил, что её родной Киев живописен благодаря своим храмам, она сказала:

– Да, но в них совершалось столько зла, что невозможно любить Киев, если знаешь об этом.

Сестра этой молодой женщины – жена Черткова (Владимир Григорьевич Чертков (1854–1936), толстовец, редактор, издатель, общественный деятель. Выступал в защиту духоборов, молокан, штундистов, за что был приговорён к ссылке в Сибирь, но, по ходатайству императрицы, наказание было смягчено. Черткову предложили на выбор ссылку за границу. – Р. Г.), который

издаёт книги Толстого в Англии. Чертков находится в изгнании. Я спросил, за что его выслали из страны.

– Он близкий друг Толстого, – ответила она, – вот единственная причина. Двадцать пять лет назад Чертков был любимцем столичного общества. Он служил в конной гвардии, и государь благоволил к нему.

Толстой подарил мне свой превосходный портрет, написав на нём своё имя и день, “когда мы встретились и узнали друг друга”. Вечером мы простились и, вероятно, никогда не увидимся больше. Восемнадцатого июня мы покинули Тулу» [3, с. 782–788].

Список литературы

1. Толстой, Л. Н. Полное собрание сочинений. В 90 т. Т. 54. Дневник. Записные книжки и отдельные записи 1900–1903 гг. [Текст] / Л. Н. Толстой ; под ред. К. С. Шорох-Троцкого. – М. : ГИХЛ, 1935. – 752 с.
2. Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников [Текст] : в 2 т. ; под ред. Н. А. Бродского, Ф. В. Гладкова. – М. : ГИХЛ, 1955. – Т. 2. – 501 с.
3. *Memoirs of Jeremiah Curtin* [Текст] ; Edited by Joseph Schafer. – Madison : State Historical Society Of Wisconsin, 1940. – 901 p.

J. CURTIN ABOUT HIS INTERVIEW WITH L. N. TOLSTOY

R. V. Gursky

Tver State University

Scientific and ducational center of integrated studies of romanticism

This article presents a translation of a fragment from the memoirs of an American ethnographer, linguist and folklorist Jeremiah Curtin, dedicated to his interview with L. N. Tolstoy.

Key words: *Jeremiah Curtin, Leo Tolstoy, memoirs, interview*

Об авторах:

ГУРСКИЙ Роман Васильевич – аспирант научно-образовательного центра комплексного изучения проблем романтизма Тверского государственного университета, e-mail: Drian@list.ru, 170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33.